

Во время съёмок он, кажется... на мгновение выпал из реальности.

Как только режиссёр объявил об окончании сцены, Линь Цзичу с силой уцепился за бедро под тканью брюк, пытаясь вернуть самообладание. Работа — это работа, личное — это личное, они же договорились. С чего вдруг эта глупая слабость?..

Единственное, что его спасало — в этом кадре он служил лишь живым фоном, помогая Шэнь Циханю поймать нужное состояние, и сам в объектив не попадал. Иначе из-за его минутной слабости сцену точно пришлось бы переснимать.

Но этот случай требовал серьёзной работы над собой. Стоило сегодня же, вернувшись в номер, хорошенько обо всём подумать. Почему один лишь взгляд Шэнь Циханя так легко выбивает почву у него из-под ног? Дело действительно в чужом магнетизме, или корень проблемы таится в нём самом?

— Отлично, снято! — Ли Жэнь, отсмотрев дубль, остался доволен. — Готовимся к следующей сцене.

Пересматривая запись на мониторе, режиссёр не стал требовать ещё один дубль, но и рассыпаться в похвалах не спешил. Одобрение должно быть дозированным: перехвалишь артиста, и тот мигом растеряет рабочую злость. Впрочем, в профессионализме Циханя сомневаться не приходилось, а сэкономленные минуты съёмочная группа могла потратить на подготовку к следующему кадру.

В перерыве Линь Цзичу примостился в углу площадки, погрузившись в чтение сценария. Шэнь Цихань устроился рядом. Чуть поодаль расположилась Лянь Хуа — актриса, игравшая Духа Меча.

В следующей мизансцене фокус смещался на их трио, причём у Циханя и Лянь Хуа намечался плотный диалог. Как начинающая актриса, девушка старалась использовать любую возможность: разобрав свою роль, она робко, но искренне обратилась к опытному коллеге за советом. Разговор завязался сам собой.

Линь Цзичу краем уха ловил обрывки их беседы, но не вмешивался, сосредоточенно листая свои страницы.

Когда обсуждение подошло к концу, Шэнь Цихань вдруг повернулся к нему:

— Линь Цзичу, ты только что...

Не ожидая, что к нему обратятся, он вздрогнул.

— М? — он удивлённо приподнял голову, ожидая продолжения.

«Что со мной?»

В груди шевельнулось странное предвкушение, смешанное со страхом. Вдруг Цихань заметил его замешательство и сейчас безжалостно выставит его дураком перед коллегами?

Шэнь Цихань едва заметно покачал головой, прогоняя какую-то мысль.

— Да нет, ничего. Я подумал, не пробежаться ли нам троим по тексту перед мотором?

— Да, давай, — негромко согласился Линь Цзичу, поспешно опуская глаза к строчкам следующей сцены.

Ло Цинфань ошеломлён — он и помыслить не мог, что Чу Цяньфань решит отдать ему легендарное оружие. Но не успевает юноша вымолвить и слова, как Дух Меча обрушивает яростный удар прямо между ними. Вспышка рассекает воздух, едва не задев мужчин. Цяньфань мгновенно хмурится и гневно вопрошает:

— Ты что творишь?!

Для Духа Меча всё решено: с того мига, как клинок покинул ножны, Чу Цяньфань стал её единственным господином. Она веками ждала того, кто предначертан ей судьбой, и теперь не позволит какому-то проходимцу завладеть реликвией.

— С чего это я не могу её отдать? — беспечно отмахивается Чу Цяньфань, бросая на разгневанного духа ленивый взгляд. — Если я хозяин меча, то мне и решать, в чьих руках ему быть.

Столь пренебрежительный тон окончательно выводит воительницу из себя. Взмахнув рукой, она заставляет Тонкую Лазурь вырваться из пальцев Цяньфаня. Клинок со свистом взмывает ввысь, описывает в воздухе стремительную дугу и, озаряясь бледно-бирюзовым сиянием, устремляется остриём прямо в грудь неблагодарному владельцу.

Пусть гибнет. Зачем ей хозяин, готовый разбрасываться священным наследием? Жизнь такого труса всё равно не стоит и гроша.

Сам же Чу Цяньфань в этот момент лишь недоумённо разглядывает пустую ладонь, гадая, как упустил рукоять, и совершенно не замечает летящей на него угрозы.

Ло Цинфань бледнеет. Повинуясь чистому инстинкту, он резко дёргает друга на себя. Цяньфань отлетает в сторону, уклоняясь от смертоносного выпада Тонкой Лазури, но холодное

лезвие успевает задеть самого спасителя, оставляя на его шее тонкую алую полосу.

Опомнившись, Цяньфань растерянно моргает, но тут же бросается к Ло Цинфаню, напрочь забыв о реющем позади мече, который уже разворачивается для нового удара.

— Брат Цяньфань, берегись! Назад! — сквозь зубы шепчет Цинфань, зажимая рану пальцами.

Тот не слушает. Стоя спиной к смертоносному клинку, он бережно убирает руку друга, пытаясь зажать сочащуюся из пореза кровь.

В последний миг, когда острое готово пронзить его лопатки, Хэ Чанъянь резким взмахом своего оружия парирует удар Тонкой Лазури. Раздаётся звонкий лязг. Опасность миновала.

Лишившись подпитки из священного источника, Тонкая Лазурь быстро теряет мощь. Дух Меча в ярости стискивает зубы, силясь поднять клинок для новой атаки. Но внезапно он вспыхивает. Кровь Ло Цинфаня, оставшаяся на лезвии, бесследно впитывается в холодную сталь.

Чудо свершилось. Ло Цинфань — тоже избранник меча.

Невероятно: тысячу лет реликвия спала в глубинах долины, не подпуская к себе никого, а сегодня обрела сразу двух хозяев. Потрясённые попутчики застывают в немом изумлении; сама хранительница меча не верит собственным глазам.

К счастью, этот новый господин куда вежливее взбалмошного Цяньфаня. Проведя тысячу лет в одиночестве среди скал Долины Улитки и Зелени, дева истосковалась по миру людей. Она решает дать юноше шанс. Но если и этот смертный окажется подлецом — пощады ему не видать. А коли не совладает с ним — просто обратит свою силу против самой себя и сгинет навсегда.

Кто бы мог подумать, что безвестный, хрупкий книжник обретёт сокровище, за которое великие мастера без раздумий отдали бы жизни. По воле нелепого случая древнее оружие признало его своим.

Ранение друга приводит Цяньфаня в ярость. Не упуская возможности, он принимается распекать Духа Меча на чём свет стоит. Хранительница за словом в карман не лезет, и лесная чаща оглашается их взаимными упрёками.

Лишь когда Цинфань и Хэ Чанъянь хором призывают спорщиков к порядку, Цяньфань нехотя умолкает. С досадой фыркнув, он закидывает руку на плечо Ло Цинфаню, бережно обходя порезанную шею.

Обойдись всё испугом, он бы только рассмеялся, но Тонкая Лазурь посмела ранить его лучшего друга. Такое простить трудно. Пусть царапина пустяковая, обида осталась глубокой. Цяньфань

ведь с самого начала хотел отдать реликвию товарищу, а из-за капризов этого упрямого духа всё закончилось пролитой кровью. И ради чего? Меч всё равно признал Ло Цинфаня своим. Глупое, нелепое упрямство.

И как тут не злиться?

На этой ноте сцена завершается. Объектив плавно фиксирует троих героев, уходящих в глубь леса. Рука Цяньфаня по-прежнему лежит на плече книжника. Все трое сыграли безупречно, выдав нужную гамму эмоций с первого раза.

Раздаётся зычный голос режиссёра: «Снято!» Шэнь Цихань должен бы немедленно отпустить коллегу, но его пальцы всё так же сжимают плечо Линь Цзичу. Тот тоже не спешит отстраняться.

Оба понимают, что это прикосновение мимолётно и вот-вот оборвётся, но молча продлевают сладкую пытку. Будто два ныряльщика, решивших задержать дыхание и ещё хоть на миг остаться на самом дне прохладного безмолвного океана — прежде чем суровая реальность заставит их вынырнуть на поверхность.

С утренней сменой покончено. Быстро пообедав, актёры расходятся по гримёрным. В тишине кондиционированной прохлады усталость понемногу отступает.

Линь Цзичу облегчённо вздыхает: после нескольких часов напряжённой работы лихорадочная слабость наконец отпустила его тело.

Во время перерыва Сюй Хай решает завязать неформальную беседу.

— Линь Цзичу, какие планы на ближайшие три месяца? — интересуется он, попивая чай. — Будешь безвылазно сидеть на площадке или планируешь параллельные проекты?

Изначально Линь Цзичу собирался посвятить себя роли без остатка. Но жизнь, как обычно, скорректировала планы. Против воли руководства агентства не попрёшь, а его собственное мнение в компании мало кого волновало. Будем честны: для боссов он оставался послушным винтиком, бесправным исполнителем, чьими контрактами распорядились без его ведома.

— Руководство подписало меня на реалити-шоу, — вздыхает Линь Цзичу. — Что-то вроде неспешной хроники путешествий. Придётся время от времени отлучаться на пару дней на съёмки.

— Шоу о путешествиях? — прищуривается Сюй Хай, пытаясь вспомнить недавние анонсы. — Случаем не второй сезон «Идём смотреть на цветение»? А, нет, они уже пустили в эфир первые

серии. Значит, что-то другое.

Цзичу мысленно берёт упомянутое шоу на карандаш — стоит посмотреть пару выпусков на досуге, чтобы набраться опыта.

— Нет, проект совсем свежий. Не знаю, слышали ли вы о нём, называется «Когда они встречаются их».

Сюй Хай задумчиво хмурится, пробуя название на вкус, и качает головой:

— Хм, впервые слышу. Что ж, как только выйдет первый выпуск — обязательно посмотрю. Любопытно глянуть, как ты там справишься.

— Спасибо, — тепло улыбается Линь Цзичу собеседнику и снова утыкается в сценарий.

Но уже через мгновение кожа на затылке начинает зудеть от чужого пристального внимания. Кто-то буравит его взглядом, тяжёлым и обжигающим, словно полуденное солнце.

Гадать не приходится. В комнате, кроме него, всего четверо. Сюй Хай увлечён чаем, ассистентам Сяо Ди и Сяо Цзяню нет до него дела. Остаётся лишь один человек.

Ему так и хотелось повернуться и встретиться с ним глазами, но Линь Цзичу берёт себя в руки. Он делает глубокий вдох и продолжает упрямо изучать печатные строчки, всем видом показывая, что ничего не замечает.

Вечная борьба с самим собой — его персональное проклятие.

Шэнь Цихань оторвался от телефона ещё тогда, когда Линь Цзичу упомянул о съёмках в новом шоу. Чужие разговоры его мало заботили, но в усыпляющей тишине гримёрной шёпот разносился отчётливо. Расслышать слова не составляло труда.

И название проекта резануло слух.

«Когда они встречаются их»... Сюй Хай об этой передаче не знал, но Цихань готов был поклясться, что где-то уже сталкивался с этим словосочетанием. Память упрямо подсовывала смутные ассоциации, но никак не желала выдать конкретную деталь.

Размышления прервала ослепительная улыбка Линь Цзичу, которой тот одарил Сюй Хая. Тёплая, искренняя, похожая на робкий луч весеннего солнца. В груди Циханя мгновенно вскипела глухая, необъяснимая злость. Он застыл, не сводя с юноши тяжёлого, мрачного взгляда.

Он ждал, почти требовал, чтобы Линь Цзичу поднял голову, встретился с ним глазами и почувствовал его раздражение. Но тот упорно игнорировал его безмолвный призыв.

«Линь Цзичу, да посмотри же ты на меня!»

Цихань мысленно выругался, бессильно сжимая кулаки.

<http://bllate.org/book/18328/1863455>